Слово редактора

Виктор Вахштайн

«Nothing is political...»

В XX веке мы узнали от радикальных политических активистов и не менее радикальных политических мыслителей, что «everything is political». Благодаря этому тезису началась великая политологическая реконкиста: отвоевание мира повседневности и присоединение его как еще одного онтологического региона к суверенному царству Политического. Раньше муж мыл посуду по средам, потому что в этот день не было футбола на канале «Спорт-24», теперь же он моет посуду по средам «для того, чтобы создать видимость симметричности гендерных отношений в патриархальной семье — ведь остальные шесть дней в неделю посуду по-прежнему моет жена»[1]. Раньше студенты приходили на лекцию, чтобы пообщаться с однокурсниками, теперь — потому что «лекция является дисциплинарной практикой академического принуждения, закрепляющей статусные различия в университетских иерархиях»[2]. Раньше скамейки в парках проектировали так, чтобы на них можно было сидеть, теперь — чтобы на них было неудобно спать бездомным[3]. Раньше эстакады строили, чтобы сделать городскую транспортную систему более эффективной, теперь — чтобы низко построенные мосты затрудняли проезд в элитные «белые» районы неуклюжим высоким автобусам из «черных» гетто[4].

1 Из лекции Мартины Риттер «Гендер и государство: перспективы гендерной политики в России и Европе» (http://www.ru.boell.org/downloads/6._Jour_Fixe_Gender_I_RU. pdf)

2 Bourdieu P. In Other Words. Essays Towards a Reflexive Sociology. Stanford, 1990. P. 177.

3 Lefebvre H. Production of Space. Oxford, 1991.

4 См. замечательную дискуссию Лэнгдона Винера (Do artifacts have politics? http://zaphod.mindlab.umd.edu/docSeminar/pdfs/Winner. pdf) и Бернарда Йорреса (Do politics have artifacts? http://www2000.wzb.eu/alt/met/pdf/do_politics. pdf).

После политологической реконкисты мир никогда не будет прежним: мы научились видеть политическую волю, игру сил, отношения власти и доминирования там, где раньше видели повседневные и привычные социальные действия. Благодарить за это прозрение стоит далеко не только Мишеля Фуко или Пьера Бурдье. Политические активисты (особенно получившие институциональную прописку в мире искусства) сумели доказать, что езда на велосипеде и городское садоводство — не что иное, как формы политического протеста (а по совместительству и художественные высказывания).

История великих теоретических открытий учит нас: есть территории, которые лучше не колонизировать. Сами они рады быть колонизированными: не пройдет и нескольких десятков лет, как правящую династию завоевателей на имперском троне сменит династия колониального происхождения. Политическим наукам стоило учиться на опыте социологии: началось все с обоснования «социальной природы» повседневного мира, а закончилось тезисом феноменологов: повседневность есть единственно социальный мир[1] (и, значит, вся социология per se возможна исключительно как социология повседневности). Сейчас вы доказываете, что взаимодействия людей лицом-к-лицу здесь-и-сейчас — суть взаимодействия политические. Завтра вы с удивлением обнаруживаете, что политике не осталось места нигде, кроме повседневных взаимодействий и нерефлексивных практик; Политическое окончательно растворилось в плавильном котле Повседневного[2]. Судьбоносные политические решения? Результат стихийного наложения рутинных социальных порядков. Чрезвычайное положение? Сбой в повседневной коммуникации. Массовые движения? Спектакль, нацеленный на производство впечатлений. Локальные политические сообщества — дворовые комитеты, тройки, ТСЖ, арт-группы, самоуправляющиеся общины? Такой же спектакль, но самодеятельный. Между большой политикой и малой политикой не остается различий. Просто потому что не остается различий между политикой и не-политикой. Если «everything is political», то «nothing is political».

Сегодня мы обнаруживаем Политическое в скамейках, лекциях, мостах, мытье посуды, езде на велосипеде и прополке огорода. Завтра с удивлением осознаем, что никакого другого «политического» у нас не осталось...

Этот хорошо изученный в эпистемологии социальных наук сюжет называется «ассимиляция победителя»: редукция Повседнев-

1 Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2.

2 Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991.

ного к Политическому оборачивается последующей десуверенизацией политического и его растворением в повседневном. В то же время, есть и встречные ходы концептуализации, задача которых — предотвратить такое вавилонское смешение языков. Один из них — поиск третьего основания, «middle ground», нейтральной теоретической полосы, на которой все еще возможно взаимодействие двух дисциплинарных полей. Мы полагаем, что роль подобной нейтральной полосы сегодня берет на себя теория коммуникации.

Этот номер озаглавлен «Власть и коммуникация», но мы далеки от мысли предложить еще одну — непохожую на все предыдущие — коммуникативную концептуализацию власти. Наша задача одновременно скромнее и амбициознее. Скромнее, потому что опубликованные здесь работы не основываются на общем понимании политических, повседневных или коммуникативных порядков, они не объединены ни общностью решаемой проблемы, ни предметной областью. Амбициознее, потому что каждая из них может стать инструментом продуктивной проблематизации, а в перспективе — источником новой концептуализации отношений между политикой, коммуникацией и повседневностью.

К примеру, Игорь Чубаров проводит любопытную параллель между идеей «театрализации жизни» Н. Евреинова и известным тезисом М. Фуко об «имманентизации отношений власти», их растворения в повседневном. Михаил Агапов, напротив, отталкиваясь от положений теории фреймов, показывает как посредством фреймирования «публичной акции протеста» происходит конструирование политического события во взаимодействии здесь-и-сейчас, лицом-к-лицу. Илья Утехин на материалах собственного этнографического исследования взаимодействия шизофреников возвращает нас к проблематике метакоммуникативных сигналов, из которой в свое время и родилась социологическая теория фреймов. Мария Ерофеева предпринимает мужественную попытку спасти фрейм-анализ от превращения в самую общую теорию всего путем формализации ее базовых положений и аналитического инструментария. Дмитрий Рогозин деконструирует повседневные коммуникативные порядки — рутины, регламенты, институциональные дискурсы — российского чиновничества. Руслан Хестанов анализирует рождение советской культурной политики как особого рода суверенной коммуникативной практики — с присущей ей аксиоматикой, оптикой и логикой становления.

Хотя каждая статья решает свою собственную — теоретическую или эмпирическую — задачу, образуемое ими смысловое пространство позволяет иначе задать систему координат для социологии повседневности, теории коммуникации и политических исследований. В анализе этого приграничного региона общими усилиями и состоит задача настоящего выпуска.